

Убить по-русски

Разговор со сценаристом «Империи под ударом»

о том, что осталось за кадром

Известия. — 2000. — 10 нояб. — с. 12

«Империя под ударом» идет на ОРТ, и этот сериал смотрят многие. Его популярность связана не с актерской игрой. Дело в другом: подкупает сама плоть исторического материала, интрига истории, которая разворачивается на наших глазах. Мы со школы знаем, что за эсерами была правда; перестроечная публицистика приучила нас к тому, что правда была за теми, кто им противостоял. Черные стали белыми, но люди в синих жандармских мундирах по-прежнему вызывают отторжение — жандарм, как и следователь КГБ, по-прежнему не нравится отечественному интеллигенту. А в «Империи» все по-другому: положительный герой служит в охранке, антигерой планирует

покушение на тех, кого он охраняет, а выводы должен делать зритель — вот только хотелось бы, чтобы его подвели к ним как-то более основательно. А самое главное: насколько актуальной и поучительной предстает перед современным зрителем история не столь уж и давно минувших дней. Терроризм стал неотъемлемой частью нашей нынешней жизни. Дореволюционный опыт борьбы с ним может быть востребован.

К сожалению, по разного рода причинам многое осталось за кадром исторического сериала. Об этом и прочих особенностях столь специфического материала разговор с одним из авторов сериала — сценаристом Еленой РАЙСКОЙ.

— Были вещи, которые пришлось отбросить по принципиальным соображениям — здесь сыграло свою роль нравственное чувство. Серия, посвященная убийству великого князя Сергея Александровича, выйдет в эфир 16 ноября. Работая над материалом, я узнала, что великая княгиня безумно любила мужа, а он изменял ей со всеми своими адъютантами. Впрочем, «изменял» не вполне точное слово, — по-настоящему он ее и во внимание-то не принимал... Зато через него прошли все офицеры свиты, начиная с Джунковского. И я поняла, что образ великой княгини сильно проиграет, если я дам понять, что она об этом знала. А если ее так ужасно обманывали, то она получится у нас полной дурой... В конце концов мы рассказываем не о психологической драме, а о великом нравственном подвиге.

— Но это же не перечеркивает того, что было потом, — и подвиги благотворительности, и мученической гибели в Алапаевске, и свидания с убившим ее мужа Каляевым в тюрьме...

— Да, это правда. Она пришла к Каляеву в тюрьму и пыталась уговорить его написать прошение к государю с просьбой о помиловании. Княгиня договорилась с царем о том, что он будет помилован, если попросит. У нее ничего не получилось, а подробности их беседы потом попали в газеты, и Каляев написал ей хамское письмо. Он обвинял ее в том, что она предала огласке их интимный разговор, сообщал, что теперь он ее презирает и желает, чтобы больше она у него никогда не появлялась.

Каляев в грош не ставил всех членов царской фамилии, а здесь он написал одну грандиозную фразу: я думал, что ваше происхождение — залог вашего благородства, и вы не станете рассказывать о разговоре без свидетелей... Странный он был человек. На мой взгляд, он был психически нездоров — это было видно во всех его проявлениях.

— А мне-то казалось, что изначально они были люди крепкими и ломались потом, во время конспирации, после убийств...

— Крепкими были те, кто этим управлял, входил в верхушку партии и возглавлял боевую организацию. А исполнители были камизде. Всем им было понятно, что, идя метать бомбу, каждый из них отправляется на смерть. На эти роли приходили (или отбирались) люди глубоко несчастные и психически неуравновешенные. У них были сумасшедшие амбиции, они писали письма потомкам, которые те, разумеется, не прочли... А Азеф умело ими манипулировал: он был сугубо нормальным человеком и играл в очень сложную игру — и с охранкой, и со своими коллегами. Он был главврачом этой психиатрической клиники.

«Империя под ударом». Кадр из сериала

— Судя по всему, Савинков тоже был нормальным человеком?

— У него была иная внутренняя конституция. Савинков — писатель, человек очень способный, лично для меня из них он наиболее интересен. Он был чрезвычайно романтичен — и романтично кровожаден. От того, как он описывает убийство великого князя и другие «акты», волосы поднимаются дыбом: кровь не кровь, смерти не имеют значения. Это ерунда. Так надо. Но здесь не было ничего маниакального, он этим не упивался. Чужая смерть для него сродни неудобству, которое испытывает врач или парикмахер, когда волосы падают ему под ноги. Так Савинков относился к тому, что после «акта» на площади валяются оторванные ноги и выпущенные наружу кишки. Это издержки производства — и не более того. Савинков поразил меня тем, что он стремился использовать для террора все последние достижения научно-технического прогресса — так можно увеличить поголовье убийств. Можно бросать бомбы рукой и гибнуть самому, а можно построить воздушный шар, долететь до Зимнего, сбросить на него очень много бомб и улететь невредимым. Любое новое изобретение рассматривалось с точки зрения повышения террористического КПД: работу инженеру-воздухоплавателю эсеры успели оплатить.

— Насколько вся эта безумная деятельность была для них обычной работой?

— Партия эсеров оказалась очень многослойной общностью. Для Азефа это был бизнес. На мой взгляд, террор вообще начинается с бизнеса — и так происходит всегда и везде. Азеф был прирожденным бизнесменом: он начинал как инженер (а тогда инженеров было мало, и они скорее были учеными и изобретателями). Он был талант-

ливым инженером и зарабатывал на этом очень неплохо. А потом его завербовала охранка, и он начал свою деятельность как эсер — это произошло почти одновременно. И тогда он понял, что террор тоже может быть замечательным бизнесом! К тому же он очень часто выполнял частные заказы: смерть Плеве была оплачена тем, кто пострадал от погрома в Кишиневе — тогда погибли родители и родственники этого человека. Что это, как не заказное убийство? Террор проходил под знаком борьбы с режимом, но за ним все равно стояли деньги. У каждого убийства был свой бюджет.

Для Азефа революция была несколькими шахматными партиями, которые он вел одновременно: этот человек играл со всеми и делал на этом деньги. Охранке он по частям продавал свою информацию (всю информацию Азеф не славал никогда) и считался одним из лучших ее агентов. При этом Азеф возглавлял боевую организацию...

Затем идут Савинков и прочие персонажи, приближенные к верхушке партии. Здесь немного иное отношение к террору, тут всегда замешаны какие-то личные счеты. Романтизм, месть, песня, которую человек поет сам себе, — ты делаешь дело, и оно важно... А далее следует густой слой психически неуравновешенных людей, на которых всегда делают ставку террористы и революционеры. Сумасшедшие Каляевы и Балмашовы, мальчики двадцати лет, погибают с улыбкой на устах, а Азеф получает свой гонорар. Так все устроено и сейчас, и в этом отношении сериал кажется мне очень полезным.

Алексей ФИЛИППОВ

В следующем выпуске телевизионной полосы разговор о героях и антигероях будет продолжен.